Гостиная

Рубрику ведет Татьяна Тюрина

Заколдован

Может быть, слыхали все вы - и не раз,
Что на свете есть поэты?..:
...Беззаботный и беспечный, как барбос,
Весел он под каждым кровом,
И играет звонким словом,
И во все сует свой нос.
Он хоть взрослый, но совсем
такой, как вы...

Этими отрывками из стихотворения Саши Черного, адресованного детям, мне захотелось начать рассказ о детском поэте Эдуарде ГОЛЬЦМАНЕ.

В Новокузнецке его знают все детские организации. Эдуард Данилович постоянно выступает перед детьми. Те, кто умеет читать, могли видеть его 10 книжек. Могут знать его и читатели нашей газеты, поскольку на протяжении многих лет мы печатали его стихи для детей. Тем не менее, так уж случилось, никогда не рассказывали об этом удивительном человеке. Вспомнила я о нем, читая «Детский остров» Саши Черного. А тут и официальные поводы подоспели - Эдуарду Даниловичу исполнилось шестьдесят пять лет, и вышла его десятая книжка «Читалочка».

Итак, у нас в гостях Эдуард Данилович.

- Эдуард Данилович, считается, что поэт - всегда ребенок. Ну, а детский тем более. Это обязательное условие?

- Да, конечно. Он как бы заколдован детством.

- В жизни у вас как-то проявляется это?

- Ой, на каждом шагу. Меня все время куда-то заносит. Могу возле ребенка стоять долго, а кто-то думает: недоброе замыслил. Что он так возле детей держится? Даже кемеровский поэт-сатирик Матвеев (он сейчас пытается стать детским поэтом) меня однажды оттащил от ограды детского садика. А меня заинтересовал один мальчик. Он так увлеченно играл, как верит в то, что у него там какое-то войско, а сам он чуть ли не маршал. Ну, а как вспомнишь о том, что ты уже не ребенок, становится грустно.

- Ваше детство каким было? Взрослые называют эту пору безоблачной, а на самом деле в ней очень много своих драматических мгновений.

- Сам ребенок не замечает своего детства. Он просто живет, как птичка летает... Я за окно все время через форточку кидаю еду птичкам. А вчера шел и заметил: подлетел голубь, заглянул на подоконник, а там ничего нет - голубь развернулся и улетел. Это осознанный поступок. Они же не просто привыкают. Они мыслят. А ребенок что?.. Он существует, как все на земле, он не задумывается.

- *Я хотела поговорить о вашем детстве.*

- Детство оборвалось у меня войной. В 39-м году мне было пять лет, и началась война.

- Вы где были?

- В Польше, под Варшавой был наш город. И я, и все мои братья и сестры родились в Польше. А в 39-м году фашисты напали на Польшу. Уже Чехословакия была оккупирована. Но это я сейчас знаю. А тогда... К нам в дом ворвались фашисты, прикладами вытолкали нас и бросили в колонну для военнопленных. Повели нас на какую-то площадь. Я думаю, что это был стадион. Там собралось, по-моему, несколько тысяч женщин, стариков и детей, все еврейской национальности. Вокруг были солдаты. Нас собирались расстрелять. Но долго продержали, а потом расстрел отменили. Нас стали избивать плетками, прикладами. Мы должны были перейти мост через Нарву. Мост был такой же, как через Темз, такой же высокий. И пройти этот мост было испытанием. Фашисты бросали детей в воду через перила. Моя мама на руках держала моего младшего брата Петра, ее били по рукам плеткой, сестре досталось по ногам. Нашего родственника раскачали за руки, за ноги и перебросили через перила. У него был рюкзак на спине, но он был спортсмен, и он выплыл. У меня в ногах был гвоздь. Каблук отвалился, и мой старший брат поспешно прикрепил его гвоздем. И этот гвоздь впился мне в ногу. А я и не замечал, шел, потому что вокруг такая беда была. У меня потом началась гангрена. Какое-то время мы пожили у нашей тети, недалеко от Белостока. Там мне какая-то женщина удалила этот гвоздь раскаленным ножом. Да, там я простился с бабушкой, которую больше не увидел. И бабушку, папину маму, и его братьев расстреляли в 41-м году.

- Эдуард Данилович, вы в пять лет встретили такое!

А ведь известно, что в детстве формируется характер, и все, что заложено, - это на всю жизнь. Как вы сохранили в себе детскую непосредственность? Ведь вас лишили детства. А вы на всю жизнь ребенком остались.

- Я понимал, что это ужас, но мне не было страшно. Я думаю, ребенок не до

ный детством

конца понимает происходящее.

- Бабушку расстреливали не на ваших глазах?

- Нет. На моих глазах расстреляли нашего родственника, деда, ему было 85 лет. Он пошел с ведром за водой. И я с ним. Он еще не набрал полное ведро, подошел какой-то фашист и сказал по-немецки, но это было похоже на еврейский язык. Он сказал: «Дай я тебе облегчу твою старость». Вытащил пистолет и убил его. Я по сей день помню, что боялся глаза поднять. Я понимал, что меня тут же фашист убьет. Я понуро смотрел на убитого уже деда и видел, как изо рта у него кровь пошла. Фашист ушел, а я побежал домой и сказал, что деда убили.

Мы сбежали из Польши в Советский Союз, в Белоруссию. Опомниться не успели, как началась война СССР с немцами. Наш город Полоцк бомбили в первые дни войны. И мы вырвались оттуда из горящего города, как из горящего дома. Весь город пылал. И говорят, что наш поезд был одним из последних, который благополучно вырвался из огня и дыма. А после войны я учился в Ленинграде и поехал в Полоцк, чтобы разыскать папе документы о довоенном стаже. Встретил людей, которые знали нашу семью. Я попросил одну женщину, чтобы она показала, где мы жили. Она показала, а я говорю: а дом где? Оказалось, что в этот дом угодила бомба прямым попаданием. И дом был уничтожен. Я узнал стену. Такая высокая стена, видимо, к ней примыкало какое-то здание. И я это место узнал. Мы там в денежку играли. Монету ударим о стенку и потом отмеряем. Я эту стенку узнал и облился слезами. Вот когда я впервые почувствовал всю трагедию случившегося.

- Такая трагическая судьба. И все ужасы выпали на детство, очень долго не осознаваемое. Можно сойти с ума...

- Видимо. Но взрослые ведь тоже... Нет, это какая-то удивительная сила защиты жизни. Человек не сходит с ума, он привыкает к ужасу. Сначала ему страшно, а потом он начинает привыкать к обстоятельствам. Видимо, уже таинство какое-то - человек привыкает к ужасу. Ведь в этих концлагерях люди же выжили. Очевидно, все-таки человека защищает природа человеческая, сила жизни.

- Как вы стали поэтом, да еще детским?

- Судьба нас по разным городам мотала. В войну эвакуированы были в Среднюю Азию. С мамой растерялись, и я оказался в детдоме, а потом нашлись, и мама со мной уже в этом детдоме была. После войны детский дом перевели на Украину. А потом и отца разыскали. Он работал в Прокопьевске на шахте. В Прокопьевск мы приехали уже в 47-м году. И я пошел работать, а учился в ШРМ. Там все взрослые были, а я один ребенок. Ко мне и относились, как к ребенку. Видимо, что-то пробудили во мне. А когда на уроках истории, литературы изучали биографии писателей, мне было очень интересно слушать про их детство. Я уже начинал себя чувствовать взрослым, а тут возвращение к детству. А еще сочинение по картине писали. И я пытался писать стихами. Это, конечно, не были стихи. Ни формы, ни ритма. Но, видимо, что-то такое во мне пробудилось. И я однажды написал стихотворение «Катина подушка».

Когда Катюше сладко спится,
Ей что-нибудь всегда приснится.
Она гадала много дней,
Откуда сны приходят к ней.
«Наверно, - думает Катюшка, -
Они приходят из подушки».

Когда я пришел в редакцию Прокопьевской шахтерской газеты, был уже 1951 год. Там работала Чигарева, она вела литературную группу, куда я и записался. Чигарева и посоветовала мне писать детские стихи. Они, сказала она, у меня лучше получаются.

- Вы не пробовали описать свой жизненный опыт в стихах или прозе?

- Был такой случай. Соседка в Прокопьевске, полька, выписывала газету «Трибуна - люду». И однажды вычитала там, что какой-то Гольцман разыскивает своих родных. Это оказался папин брат, мой любимый дядя Эльяш, он меня на велосипеде катал, когда я был совсем маленьким. Где-то в 64-м он уехал в Израиль. Поляки стали вытеснять из Польши евреев. Когда я узнал, что дядя жив, я написал поэму. В детстве я мечтал, чтобы дядя подарил мне чемоданчик. И я так написал.

Тяжелый груз моих воспоминаний
Мне дядя в чемодане вот прислал.

- Эдуард Данилович, у вас десять поэтических сборников. Сейчас легче издаваться или труднее?

- Легче. Сейчас это даже не проблема. Есть деньги, можно издаться.

- Но вы находите спонсоров?

- В общем-то да. Мне всегда помогают.

- То есть вы не можете сказать, что стало жить хуже?

- Хуже я не стал жить. Но жена вышла на пенсию. И стало трудно.

- Но у вас нет ощущения трагизма от жизни?

- Нет, трагизма нет. У меня даже есть ощущение, что будущее поколение будет умнее нас и жить будет лучше нас.

Фото Сигизмунда Горшво.

Губернские ведомости №28(41) ● 9 марта 2000 г.

Печатный двор

Эту новость "Губернские ведомости" уже сообщали. В издательстве "Сибирский писатель"в Кемерово выпущена в 100 экземплярах вышеуказанная книжка стихов детского поэта Эдуарда Гольцмана "ЧИТАЛОЧКА". Издание осуществлено за счет средств автора.

Солнце в сетях поэта

Детских книжек не бывает слишком много. Хоть все мы и выросли на творчестве Барто и Маршака и следующие поколения знакомы со стихами Чуковского, последовавшие создатели не всегда могут, но они открывает ребенку дверь в большой мир - радость для маленьких, и для их родителей.

Эдуард Гольцман – известный в области поэт, автор таких книжек, как "Петушки", "Мурлыщик" и "Человек придумал печь".

Новая книга вспомнила в себе и любимые поэзии стихи из старых книг. Например, "Отличать".

Вова у аквариума
Промокнув валенки,
А я не желел —
Вовка в лужу
Рядом с ежом.
Ежик, ежик, ты ведь не такой,
Ты ведь не такой, ежик, ты ведь не такой.

Новая книга вспомнила в себе и любимые поэзии стихи из старых книг. Например, "Отличать".

Дети в детстве – знают, быть способным видеть и творить это по-детски, не дискретно, не сложно, по-своему. Но, оказывается, дождь как чем закрытое пространство и дождь, что у дождя внутри? Но под дождем, а внутри. Стихотворение так и называется "Что у дождика внутри?"

На окошке посмотри:
Что у дождика внутри?
Школа, елочка и дом,
И ребенка под зонтик,
И машина грузовая...
Сбоку пуля пролетая,
... Снова выжала в окно!
Изменился Все вдруг:
Нет ни пули грузовой,
Ни машины грузовой...
Только школа, елка, дом,
Солнце в небе голубом!

Мне как-то особенно нравится это стихотворение. В нем все, на первый взгляд, просто. Но это простота большого таланта и мастерства, тот "редчайший" случай, когда взята глыба мрамора, и все лишнее отсечено. В этом стихотворении нет лишних подробностей, взято все значимое, главное для ребенка – школа, дом, елка - основательное, надежное. Все это и после дождя останется, когда выглянет солнышко. А то, что "дрожимся" внутри дождя "грузовая, девчонка под зонтом" – исчезло. Машина укатила, девочка ушла...

Стихи Гольцмана – живописно движущиеся картинки. Они кинематографичны, где строки, как мелькающие кинокадры. Поэт активно использует художественные тропы (метафоры, метонимии, сравнения).

Рыбарь Перебиво обжигает.
Дождь утомился
Да лесом.
Рефлексии
Небо разобьются,
Шепотом по лужам
Бежим.
(*"Рефлексии"*).

Или такое стихотворение ("От чего блестит поэта").

Лютая от скуки
Гусеница в саже,
Я вам не друг
И темно кричу,
За грейдером грейдер,
Год, автор — заборы,
И стихи излечит. Блестеть от работы....

В простых, веселых, звонких стихах (в полному запоминающихся) поэт как бы нанизывает рецепт грамотно жить, дает им уроки нравственности.

Автор "Читалочки" не может пройти мимо сегодняшних реалий жизни. Известный изобрел Кот "обожает интернет, "Вискас", "Китекат", компут". И более глубокие размышления о нашем сознании вот не обошли стороны.

В стихотворении "Кот Мурлыщ" Кот отвечает автору на вопросы, где дуб зеленый, где зойтая цепь.

... Подарил я цепь Собуке.
... Зеленый зонт — Кошке.
Стал носить Собуку Кошке.
Но... Собуку Собуку лопнет:
Подарила она не кошке.

Как известно, дети, начинают говорить, много экспериментируя над словом, обыгрывая его смысл, образуя по аналогии новые слова. Думаю, малышам понравится стихотворение "Загрязи".

Тутенькин, Тентенькин
Затеяли загрязи
Но злодейкой Я ввв полыньи
Нанесли грязи,
Положили забросы В рот
И сердобинся
Вот!

К сборнику стихов написано четверостишие, напоминающее посвящение «Евгения Онегина» Пушкина. На страничке, предшествующей титульному листу, вот нарисованным профилем великого поэта:

Поэт душой,
Чернобелоснеж,
Его мурлыщу —
Как вопросы.

Пушкинская линия в сборнике Гольцмана проглеживается в неоднократных обращениях к лирическому пушкинскому сказу. Но подыграет с комплексами спасены возможностью не выдержать сравнения. Я не пытаюсь сравнивать. Ну скажу, что свойственная великому поэту простота, легкость, звонкость рифмы и ритма есть и в "Читалочке". А это дорогого стоит.

Книга весело и остроумно оформлена известным кемеровским графиком Василием Кравчуком. И, что немаловажно, издана в твердом переплете, что может позволить сохранность ей для следующих поколений.

Содержание книги это позволяет.

Татьяна ТЮРИНА,
обозреватель газеты «Кузнецкий рабочий» специально для «Губернских ведомостей»